

НОВОЛЕТНИЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 5 (1069)

Май, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАТАЛЬЯ БЕЛЬЧЕНКО — Земные подарки, стихи	3
АНАТОЛИЙ РЯСОВ — нечто немислимое, почти двадцать одноактных пьес. Послесловие Владимира Губайловского	7
СЕРГЕЙ ЖАДАН — Встречай свою бессонницу, стихи. Перевод с украинского Игоря Белова	47
П.И. ФИЛИМОНОВ — Анна Жгалина, рассказ	51
АННА АРКАТОВА — Пусть будет бигль, стихи	67
АНДРЕЙ ИВАНОВ — Телеграммы из Альтоны, рассказ	71
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ — Горящий сахар, стихи	74
АНДРЕЙ КРАСНЯЩИХ — Письма, рассказ	77
АЛЕКСАНДР СТЕСИН — Точка, где я существую, стихи	85
ТАРАС ПРОХАСЬКО — Равновесие, эссе. Перевод с украинского Андрея Пустогарова	88
АНДРЕЙ ХАДАНОВИЧ — Небелорусский возглас, стихи. Перевод с белорусского Игоря Белова	100
ОЛЬГА БАЛЛА — Упражнения в бытии	104

ИЗ НАСЛЕДИЯ

АЛЕКСЕЙ СКАЛДИН — Стихи и письма. Подготовка текста, послесловие и комментарии Валерия Вотрина	120
---	-----

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

КОНСТАНТИН ФРУМКИН — Актуальность анархизма	136
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АРТЁМ СКВОРЦОВ — Ходасевич и Тарковский: взгляд на себя со стороны. Две трансформации одного мотивного комплекса	150
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

СЕМИНАРИУМ

ЛЕВ ЯКОВЛЕВ — «Когда речь идет о творчестве, человека беречь не нужно». Беседовал Павел Крючков	160
ВАДИМ ЛЕВИН — Собеседник на всю жизнь. Тридцать минут с Маршаком	169

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Дмитрий Бавильский. В конце концов (Елена Костюкович. Цвингер)	180
Кирилл Корчагин. Пространство и время ферганского фильма (Шамшад Абдуллаев. Приближение окраин)	184
Лев Оборин. Цветы эфемерны (Александр Соболев. Летейская библиотека)	189
Ольга Балла. Мученик, рожденный для счастья (Александр Довженко. Щоденникові записи, 1939 — 1956)	196

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЕКСАНДРА ЧАНЦЕВА	202
КИНООБОЗРЕНИЕ НАТАЛЬИ СИРИВЛИ	212
ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ С ПАВЛОМ КРЮЧКОВЫМ	216

НЕКРОЛОГ

НИКОЛАЙ БОГОМОЛОВ — Памяти коллеги. О Сергее Шумихине	220
---	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	222
Периодика (составители Андрей Василевский, Павел Крючков)	226
SUMMARY	240

В январе 2015 года исполнится 90 лет со дня выхода первого номера журнала «Новый мир».

ИЗ НАСЛЕДИЯ

АЛЕКСЕЙ СКАЛДИН

СТИХИ И ПИСЬМА

ПИСЬМО 1

Саратов, тюрьма, 9-12/VI 1923

I

Все той же старой шутки ковкасть!
Я, брат мой милый Вячеслав,
Чтоб не ушла поэта ловкость
Еще блюду друзей устав.

Слова нанизывать? — к чему же
Ловить воскрылья рифм? — зачем
Аллах рассыпал тьму жемчужин
В садах своих — будь глух и нем,

Увидишь их, — нагнись пониже,
И подбери, и свяжешь стих —
Войди лишь в сад, а жизнь нанижет —
Аллаха славу — звонкость их!

Намеков полон день стоящий.
О, не тоскуй, мой милый брат, —
Все громче голоса, все чаще
У вавилонских рек звучат¹.

II

Твой пятистопный ямб, — друзьям отрада, —
Призывным кличем вновь к тебе летит.
Борей силен — он до ворот Багдада,
А не Баку², слова мои домчит.

Но ты, внимательный старик и чуткой,
Не уязви меня мечом острот
И не просмей, коль с лебедями утка
Из строф моих неожиданно заорет.

Подготовка текста, послесловие и комментарии *ВАЛЕРИЯ ВОТРИНА*.

Вотрин Валерий Генрихович — прозаик, переводчик. Родился в Ташкенте в 1974 году. Окончил романо-германский факультет Ташкентского государственного университета, магистратуру и докторантуру Свободного университета Брюсселя. Автор трех книг прозы, многочисленных журнальных публикаций в «Новой Юности», «Новом журнале», *TextOnly* и др. Живет в Бате (Великобритания).

III

Наш дом подобен кораблю и скучен:
 Все сглажено — снаружи и внутри;
 Скопцами духа строй размерен жизни
 И назван «воспитаньем трудовым»: —
 Звонок с утра, звонок к обеду; третий
 Пред тем как солнце сядет за горами,
 Теснящими убогое пространство,
 Где взгромоздился этот дом. И что же
 Еще сказать о нем? Какими стоит
 Словами описать жильцов и стражу
 И все, что в окруженьи скуки слилось
 Здесь в мир ненужный и забытый всеми?³

Но пробую писать, призвав уменье,
 Спасающее нас от страха смерти
 И создающее все вновь надежды,
 Чтоб направлять бестрепетной рукою
 Повозку узника к пределам дня.

О, если день пройдет — какое благо
 Приносит ночь: просторы и свобода
 Открыты в темноте, и счета нет
 Дорогам стелющимся. Дальше. Дальше.
 Куда глаза глядят — бреди. Не спросят,
 Не скажут: «стой». Весь мир — поля и горы —
 Твое неразделимое владенье.

Работа человека! Славить как
 Твой благостный почин, когда, в минуту
 Отчаянья и гнева, ты выводил
 Детей своих, как мать, от скал и мелей
 К надежной пристани — успокоенью.

IV

Здесь горы и не горы. Так. Взбуренье.
 Решетка да разбитое окно.
 Пространство в шесть шагов. А по стенам
 Имен чреда и выбоины в камне.

Смерть не пришла. А жизнь в окно открыла
 Усталый горизонт, потом кладбище
 И церковку на нем. Все в назиданье:
 Чтоб радовался, ждал, когда полей
 Простор подхватит и блестящих рельсов
 Прямая полоса укажет снова
 Дорогу дальнюю.

Поверь, мой друг,
 Я в путь готов. Кому же души наши
 Замками запереть, когда поют
 Гомеровы слова о бывшем горе,
 Преображающемся в сладость счастья
 Лишь только память муку воскресит.

И возникают под наитьем ночи
 Гигантские, буравящие мысли,
 Охватывают дланями своими
 Весь мир, всю жизнь мою, желанья все!

Вперед! Вперед! Немолчным трубным звуком,
 В ночи ревушим громче Ниагары,
 Сплетающим слова в один клубок
 Неразличимых, буйственных стремлений, —
 Всей силы солнца разом воплощенье! —
 В молчавшую дотоль, ночную чашу
 Вливаются и рушатся вокруг.

Ты — человек! И напряженье воли,
 Неизмеримое, восставь и двинь
 Навстречу хаосу — измерить, взвесить...

V

На утро солнце озаряет спину
 Унылых гор. А темное пятно —
 Ночная тень — уходит в котловину,
 И вспыхивает жалкое окно.

И в памяти о ночи крепким строем
 Звенят нахлынувшие вдруг слова,
 Взрывают почву, рубят, пилят, строят,
 Растут везде, как буйная трава.

Пегас! Пегас! Я отопру ворота.
 Что бьешь копытом? Выпущу сейчас.
 Чему ты рад? Что воздух слаще сота?
 Что голубое небо, как атлас?

Но рифмы прочь! И звонкость и волненье
 Тебе оставлю на одно мгновенье,
 Пока еще хозяина рука
 Не вскинула седла и чепрака,

Не снарядила в путь. Ну, полно ржать,
 И землю рыть и головой мотать.

Спокоен будь: дорога вдаль легла;
 Ты потрудись, как мудрая пчела.

VI

Я знаю, милый друг, твои советы
 Иными будут и промолвишь мне:
 «Не сдерживай уздой Пегаса, право,
 Когда ему охота полетать
 Пришла. Летает пусть. А сникнут крылья —
 Опустится на светлую лужайку
 Для отдыха он сам. И не заметишь,

Как уплывут вдруг плавные слова
Неведомо куда. Быть может к краю
Земли, где солнце ввечеру садится —
Быть может и слова, как все на свете,
В согласьи с светом солнечным живут».

Все это так. Не спорю, друг мой милый,
К тому же и Пегас мой вовсе хилый
И в кои веки раз ему взбредет
Забуйствовать и ввысь направить лет, —
Но не могу для скучного посланья
Ловить вокруг веселые звучанья.

Я, право, не заметил в буйстве мыслей,
Куда скакал. И медленной стопою
К пространному, неспешному рассказу
Пегаса взмыленного подвожу.

VII

Рассказ недолог и нетруден будет:
Что думал, делал что. Недаром шли
Быстротекущие и дни и годы,
С тех пор, как мы в Москве с тобою, летом,
В больнице, у постели уходившей
От жизни⁴, виделись и обменялись
Последним, горьким-горьким поцелуем
(Та горечь не от нас — ее Ананке⁵
Жестокая, повсюду пролила).

VIII

Без гордости пишу: трудов награда
Созрела понемногу в буре дней
И только завершенья ждет... Увы!
Мешают мне тюремные запоры
Да руки те, что разбросали клады,
Мной собранные в темных рудниках.
Опять нужны года — восставить снова
Что сломано и кинуто во прах
Неведающе-грубыми руками.

IX

Напомню я тебе твои слова
Ты прочитал «Скитанья Никодима»
И так сказал: «Здесь не новатор форм —
Новатор метода глядит из книги.
В ней мысль слагается в других законах,
Чем зарождалась она у прежних
Повествователей. И нужно выход
Такому методу в иных словах,

Размеренных и смешанных до унца,
 До скрупула, как у Ренэ Декарта
 В его “Методологии мышленья”⁶
 С изящнейшею краткостью сыскать».

X

Я засмеялся тихо. Мне знакома
 Была та мысль. И сам Ренэ Декарт
 Давно прельщал своим далеким блеском.
 А если хочешь знать, и автоматы
 «Скитаний Никодимовых» прямым
 Родством по духу связаны с Декартом.

XI

Когда-то в Петербурге я, блуждая,
 По выставке в одном почтенном доме,
 Где чудеса старинные в шкафах,
 И на столах и по стенам приют
 Нашли себе, — увидел вдруг драконов
 И львов из темной бронзы. Не Китая,
 Нет! — а народности с земли ушедшей
 Творение. Зажглось во мне вниманье,
 Со всем волнением и напряженьем
 Доступным человеку, к этим черным
 С отливами укрытого огня
 Чудовищам. Я понял, что не каждый
 Народ одни и те же получает
 Дары от Матери. Тому дано
 Уменье камень превращать в живое,
 Тот бронзу льет в волшебные куски,
 Тот музыкой, тот красками расскажет
 О новом и неслыханном еще.
 И каждого душа, характер, знанье,
 Таясь в его труде, живут в веках,
 Приносят плод потомкам поздним. Время
 Знает, что зародить, когда и где,
 Дабы и плод не высох, а родился
 Сам — шестьдесят, сам — семьдесят, сам — сто.

XII

Перебирая жалкие остатки
 Парчи истрепанной старинной, мысль
 Я уловил одну. Легла она
 В основу всей работы. И, послушай, —
 То не пустое праздное мечтанье,
 То Истина сама в одежде скромной
 Из уголка взглянула на меня,
 И этих глаз теперь уж не забыть,
 Как не забыть и медленной улыбки,
 Скользнувшей по устам ее замкнутым.

XIII

Я привожу нехитрое сравненье:
 Когда наш ум упорно бесконечность
 Стремится охватить — он видит только
 Безр́азумность. Безр́азумность — не больше,
 И все, сливаясь в числе начальном,
 Уходит за пределы нашей жизни,
 Нам оставляя смутные влеченья
 Да пепла горсть (увы! прозренья наши),
 Как дикую и злобную насмешку,
 Как раздражение больного духа,
 Бессильного схватить, понять и взвесить
 Материи несчетное единство.

XIV

Но здесь! Но здесь! О, слушай, милый мой, —
 В простейшей ткани (правдамирозданном
 Подобии, — об этом скажет Гете⁷)
 Безр́азумность была заключена.
 Какое порождение искусства
 Сравнится с грубою, простейшей тканью
 В единственном и столь чудесном свойстве —
 Быть бесконечным в замысле своем.
 Цветы идут направо и налево,
 Цветы от нас уходят вверх и вниз,
 И никаким гармонии законом
 Не сможешь очертить их расплыванье
 В пространстве без конца, — не потому ли,
 Что беззаконность здесь и есть закон?

XV

Ткань выдумана женщиной, конечно, —
 Кому же больше выдумать ее?
 Искусство бытовое! Ты в основу
 Закладываешь бесконечность духа, —
 Так что же нам и тосковать, мой друг,
 Когда под временным и скудным делом —
 Опять оно — извечное, большое;
 Опять! Опять восходы и закаты,
 И проповедь в ночи церковной тайны,
 И Рэйсбрук Удивительный⁸ и Карл
 Великий; стих, звучащий сталью,
 И доблестность железного Баярда⁹;
 Москва и Рим; Флоренция и Грааль —
 И словом все — чье имя: наполненье
 Сосудов духа, жаждущих любви.

XVI

Я краешек пока приподымаю:
 Читателю, как и перу, приходит
 Нужда передохнуть от слов и черных
 Значков, бегущих рядом по бумаге.

И так же я замучил ямб несчастный,
 Набросив на него ярмо большое
 Суждений замкнутых, чему лишь проза
 Всегда безропотно и верно служит.
 А стих — он ведь такой: все улететь
 Пытается и полетать повыше.
 Ему несносны строгие стеснения,
 Он машет крыльями и бьется-бьется
 Под непривычно-режущей уздой.

XVII

Кончаю длинное мое посланье.
 Корону придал я философии
 «Историей Искусства цветового»
 И общим тем заглавьем увенчал
 Всех девяти томов объединенье,
 Раздельное, встающее за частью
 Все новыми частями и потом
 Спадающее сразу водопадом
 В жизнь бурную и шумную всегда.
 «Какие же разделы?» — спросишь ты.
 Да! «Морфологией осознания
 Творения цветового» я назвал
 Четыре тома и от них уж пятый,
 Как нужное звено прикинул быстро
 К последним четырем, носящим имя
 «Анализа истории и качеств».
 Все восемь повисают на девятом, —
 Как чаши у весов на коромысле, —
 Стоящем посреди. Он «Бароккальной
 Гносеологией» крещен и крестным
 Отцом тебя я, брат, избрал по праву: —
 Ведь породил все это построенье
 О «Методе мышления» твой совет
 С напомниманьем о Декарте вместе.

XVIII

Коль напишу — прими, как лучший дар —
 Его родить тебе могло лишь сердце
 Любившее тебя любовью крепкой,
 Нестынушей, растущей по часам.
 Прощай, мой друг. Прости меня за скуку
 Сухого изложения скудных мыслей,
 За святотатство над прекрасным ямбом,
 Пригодным для сонета и терцины,
 Но не для алгебры и уравнений
 Философических. Прости! прости!

Вячеславу Ивановичу
Иванову

Азербайджанская Республика
Баку
Правление Университета

PS. Подлинное заглавие работы:

«Философическая История Цветовых Искусств»

Тт. I, II, III, IV. «Морфология осознания
в цветовом творчестве»

Т. V. «Бароккальная Гносеология»

Тт. VI, VII, VIII, IX. «Историко-качественный анализ цветового творчества»

Милый Вячеслав Иванович! Если захотите о чем писать, то есть два адреса: Саратов, Нижняя ул. 91, кв. 1. Александру Матвеевичу Кожевникову, для меня

или

Петербург, Плуталова ул. 2, кв. 1. Эльсбет Константиновне Скалдиной¹⁰

Целую

Ваш А. Скалдин

13/VI 23.

Примечания к Письму 1

¹ Акростих. Начальные строки стихотворения складываются в посвящение: «Вячеславу Иванову».

² В 1921 — 1924 гг. Вяч. Иванов проживал в Баку, где работал профессором по кафедре классической филологии историко-филологического факультета Бакинского государственного университета. См.: Котрелев Н. В. Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета. — «Ученые записки Тартуского гос. Университета», вып. 209. («Труды по русской и славянской филологии, XI. Литературоведение»), Тарту, 1968, стр. 326 — 339.

³ Скалдин содержался в Саратовском исправительно-трудовом доме (ныне СИЗО-1) в ноябре 1922 — августе 1923, освобожден 27 августа 1923.

⁴ Скорее всего, речь идет о Вере Константиновне Шварсалон, третьей жене Иванова, скончавшейся после изнурительной болезни 8 августа 1920 г.

⁵ Ананке — древнегреческая богиня неизбежности, олицетворение жестокого рока. К образу «древней Необходимости», «фатума» неоднократно обращается Вяч. Иванов в своих статьях: см. напр.: Иванов Вяч. Копье Афины. — В кн: Иванов Вяч. По звездам, СПб., «ОРЫ», 1909, стр. 43 — 54.

⁶ Имеется в виду трактат Рене Декарта «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (1637).

⁷ Ср. в более позднем переводе:

Но, даже генезис узнав
Таинственного мироздания
И вещества живой состав,
Живой не создадите ткани.

(И. В. Гёте. Фауст. Перевод Бориса Пастернака)

⁸ Ян ван Рёйсбрук (1293 — 1381), прозванный Удивительным, — нидерландский мистик, последователь Майстера Экхарта. Скалдин, вероятно, был знаком с трудами Рёйсбрука по изданию: Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака. Перевод М. Сизова. М., «Орфей», «Мусaget», 1910.

⁹ Имеется в виду Пьер Террайль де Баярд (1473 — 1524) — французский рыцарь, прозванный за доблесть и галантность «рыцарем без страха и упрека».

¹⁰ Елизавета Константиновна Скалдина (урожд. Бауман, в первом браке Вальтер, 1885 — 1933) — переводчица, жена А. Д. Скалдина. Происходила из семьи прибалтийских немцев.

ПИСЬМО 2

Новониколаевск, 1 декабря 1924 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Если Вас в Рим вел добрый гений (я уверен в том), то совершенно неизвестно какая сила притащила меня сюда и тянет еще за 5000 верст дальше — во Владивосток. Здесь я, может быть, затем, чтобы смотреть северные сияния — вчера было очень сильное — семистолповое, а во Владивостоке?

Конечно, я здесь по доброй воле и по делам. Но дел еще нет и пустыня невероятная: люди находятся в этих местах еще на той стадии развития, когда их общие усилия, соединяясь, все же не дают ощущения человеческого общества. В культурных местах наслоение идет в таком порядке:

Бог, Идеи	}	Знаю, будете спорить о порядке!
Индивидуумы		
Человечество		
Предметы, домашние животные		
Природа, дикие животные		

Здесь же сплошная горизонталь, на которой расположены: человечество, природа, сырье. Даже домашние животные не друзья, а на положении товарного сырья. Коровушка, она не только для молока, но и для мяса и для шкуры. Разводят «мясной скот».

Хочу писать, как и всегда, но пишу мало, несмотря на излишки свободного времени. Это оттого, что сибирские люди совершенно по звериному бесцеремонны: до их сознания еще не дошло, что письменность может быть нужна и не для одних торговых записей.

Был на днях в Москве, читал Гершензонам и Верховскому свою новую прозу: «Рассказ о Господине Просто», «Зоологический Лев», читал стихи. Хвалить за доброту хвалили, но больше ругали за бездушие. Никак не мог взять в толк, в чем тут дело. Верховский, впрочем, больше молчал или говорил о себе: «Я, мол, такой, не могу этого понять»¹.

Милый Вячеслав Иванович! Когда я Вам пишу, я собственно никогда не жду ответа. Пишу просто от любви. Так и сейчас.

Привет Лидии и Диме². Елисавета Константиновна зная, что буду писать Вам, просила кланяться. Она сейчас в Петербурге.

Целую Вас крепко.

Ваш А. Скалдин

Новониколаевск, Томская, 75.

ПИСЬМО 3

Д[етское] С[ело], 1 марта 1928 г.

Милый Вячеслав Иванович.

Трудно возобновлять переписку после стольких лет разлучения, после похорон многих, кого знал, любил, с кем был связан.

Сегодня утром в поезде из Д[етского] С[ела] в Л[енинград] я очень остро вспомнил Вас и явилась потребность сразу же писать в Италию.

Толкнули меня... цыганята. Вы и цыганята?

Их было четверо, в возрасте 7-10 лет; три мальчика и одна девочка (младше всех). Они так по настоящему пели и плясали, подзванивая бубном, а часть публики так не понимала их чудесной прелести (особенно один инженер — железнодорожный, серьезный и важный мужчина с английским журналом в руках все требовал, чтоб их убрали), видя в них только попрошаек и нищих, что мне стало стыдно и больно за обиженную Хариту и за

«золотую, нищую песню...»³

Вот почему Вы.

Стих Вы, конечно, еще помните. А Харита... Здесь удвоенное воспоминание: о Харите Вы писали мне много в одном письме летом 1912 года⁴.

Однако Харита и нищая песня, быть может, проживут и без нас, без нашего негодования и нашей защиты.

Нужно говорить о другом.

Я, думаю, самое важное сейчас — стойкий ум.

Где найти эти стойкие умы?

Мне и Бог сейчас представляется, как ум по преимуществу — Ум (более для меня сейчас ясно и убедительно, чем Логос).

Я как-то раньше не предполагал, что искушение будет строиться главным образом на уме, а не на чувствах. Люциферианство всегда было умным врагом, но это не то, что ум. Ведь ум противился и противится люциферианству.

Ум — есть практика, ум есть вещественная история; он — материален. Он для меня не умозрение. Ум для человека жироскопичен.

И этому теплому, простому уму Пушкина или четырех моих цыганят уютно и тесно в окружающей обстановке. То ли Харита завела меня с цыганятами в приготовительный класс, где педагог оказался знающим внешние формы и не видящим содержания.

Да, это верно, Вячеслав Иванович. Мы среди приготовишек, из которых все сплошь выйдут инженеры с английскими журналами в руках. Инженеры, конечно, не пиранезиевского типа, а изобретатели патентованных унитазов.

Вот и почитайте современную нашу литературу. Доходит ли она до Вас?

Впрочем инженерство в ней не серьезное. Даже на унитазаы его не хватает. Вообразили люди, что они инженеры и лгут себе.

Елисавета Константиновна кланяется. Привет Лидии Вячеславне и Диме. Может быть он еще помнит «так называемого Скалдина».

Ваш А. Скалдин

Примечания к Письмам 2 и 3

¹ Ср. из письма Ю. Н. Верховского Вяч. Иванову от 23 сентября 1923 г.: «Пишу мой стих, сидя у Скалдина, чтобы вместе с ним воспользоваться оказией. Свиделись мы только на днях после многих лет. <...> Скалдину я радуюсь. Повесть его меня задела <?>, в поэме еще не вполне разобрался, в стихах много нового. <...> Прозы — романы — еще не читает. Судя по чертежам, мудрено» (Римский архив Вяч. Иванова. Опись 5, картон 2, папка 3).

² Лидия Вячеславовна Иванова (1896 — 1985) и Дмитрий Вячеславович Иванов (1912 — 2003) — дети Вяч. Иванова.

³ Строка из стихотворения Вяч. Иванова «Улов» из сб. «Cor ardens». Ч. 1. М., «Скорпион», 1911.

⁴ На самом деле осенью 1912 г. В письме Скалдину от 23 октября 1912 г. Иванов писал: «...а воображая, какова выйдет Ваша книга... выскажу наперед, полу-интуитивно, критику. В ней одного мало: Хариты. Вот понятие, которое мне хотелось бы ввести в умственный и словесный обиход. Ведь это не то, что мы зовем «грацией», — объем понятия безмерно шире. Харита — Милость, — и милость — благостная, и миловидность, «милорадность»; улыбчивая, пленительная прелесть — и много еще другого. Так вот — нет у Вас веселого неба и стройного танца, и в стихе беспечного радования нет... А зачем, скажете Вы, все это мне вдруг понадобилось? Именно, ничего этого мне теперь вовсе и не надобно; но надобно будет. Это будет знамение некоей победы; а пока — в оружии мир! Ибо путь Ваш к Харите в искусстве и земной жизни чрез духовную благостность... Но Харита в наше время встречается реже, чем даже хороший вкус. Где же ее сыщешь? Разве у Кузмина? Но его грации слишком похожи на александрийских гетэр» (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным (Публ. М. Вахтеля). — «Минувшее», Париж, 1990, [Вып.] 10, стр. 131).

**«Плод потомкам поздним»
О неизданном А. Д. Скалдина**

Литературное наследие поэта и прозаика Алексея Дмитриевича Скалдина (1889 — 1943), «последнего петербургского символиста», ученика и друга Вячеслава Иванова, к нынешнему дню достаточно полно издано¹. По итогам проведенной в 1990-х — 2000-х гг. большой публикаторской работы можно теперь с точностью произвести страшный подсчет ущерба, нанесенного тремя последовательными арестами (в 1922, 1933 и 1941 гг.) архиву поэта: в письмах Скалдина разного периода и в материалах следственных дел упоминаются безвозвратно утраченные романы «Земля Канаана», «Женихи», «Деревенская жизнь», «Невероятная жизнь», «Смерть Григория Распутина», «Колдуны», «Повесть каждого дня», «Чудеса старого мира», «Третья встреча», повести «Авва Макарий», «Неизвестный перед святыми отцами», «Сказка о дровосеке с длинным носом», сборник новелл «Вечера у Мастера Ха», рассказы «Зоологический лев», «Рассыпанное ожерелье», обширное исследование «Архитектура деревянных церквей Саратовской губернии». И это не считая стихов и неназванных произведений. Только объем написанного в алма-атинской ссылке в 1933 — 1941 гг., по собственным оценкам Скалдина, составил около четырех тысяч страниц, или 170-180 печатных листов — «двадцать тюков книг и переписки», включая дневники, конспекты лекций, неопубликованные статьи по изобразительному искусству, письма М. Кузмина, А. Н. Толстого, Ю. Верховского, Иванова-Разумника². Эти рукописи вместе с оставшимся имуществом Скалдин во время третьего ареста передал родственникам, которые не сохранили доверенного³. Как горько заметил В. Крейд, «трудно назвать другого писателя, сложившегося в годы Серебряного века, к наследию которого судьба оказалась в такой степени беспощадной»⁴.

При этом с выходом в 2004 г. первого полного научного издания сочинений Скалдина работу по публикации наследия поэта нельзя считать завершенной. Остается неразобранной и неопубликованной большая часть всего объема переписки Скалдина, хранящейся в фондах РГАЛИ, Рукописного отдела Института русской литературы и Российской государственной библиотеки. В претендующий на полноту сборник, видимо, из-за ограничений в объеме не были включены опубликованные годом ранее служебные записки, тезисы докладов, незавершенная статья «Ленин и культура»⁵, хранящиеся в саратовских архивах отчеты по обследованию памятников деревянного церковного зодчества Саратовской губернии⁶, а также никогда не републиковавшаяся заметка по истории английского и германского военных флотов⁷ и статьи по истории и архитектуре Петербурга, подготовленные Скалдиным для выпущенного в 1933 году двухтомного путеводителя по

¹ Все выявленные стихотворения и проза, а также статьи, фрагменты дневниковых записей и материалы следственных дел собраны в издании: Скалдин А. Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии. Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии Т. С. Царьковой. СПб., «Издательство Ивана Лимбаха», 2004.

² Царькова Т. С. «...нить блестящая тонка». — В кн.: Скалдин А. Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии, стр. 25.

³ Там же, стр. 24.

⁴ <http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura>

⁵ Царькова Т. С. Новые документы из архива А. Д. Скалдина. — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1998 — 1999 год», СПб., 2003, стр. 381 — 407.

⁶ Царькова Т. С. «Скалдиновщина»: Саратовский период жизни писателя А. Д. Скалдина. — «Лица», СПб., 1994, вып. 5, стр. 464: со ссылкой на архивные фонды: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 377. Л. 1-5; Ед. хр. 385. Л. 103; Ф. 841, Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4, 10; Ед. хр. 59. Л. 16; Центр документации по новейшей истории (Саратов). Ф. 6091. Ед. хр. 79. Л. 9 об и др.

⁷ См.: А. С. Страницка из истории английского и германского военных флотов. — «Отечество», 1915, № 13 (страницы не нумерованы).

Ленинграду⁸. Последние — все, что осталось от большого массива культурологических и искусствоведческих исследований Скалдина, дошедшего до нас только в упоминаниях. К работе над материалами путеводителя Скалдин, по-видимому, был привлечен в 1930 году историком искусства и выдающимся петербурговедом Б. П. Брюлловым (1882 — 1940), составителем первых советских путеводителей по Ленинграду. В первом издании путеводителя (март, 1931) читаем: «В составлении книги принимало участие свыше 30-ти лиц. Материал для путеводителя собирался с 1928 г., и ко времени выпуска его он во многом устарел; все пришлось заново проверить и в значительной части переделать. Эта работа в издательстве была исполнена под общим наблюдением М. А. Орлова редакторами А. Д. Скалдиным и К. Г. Каплун при непосредственном участии одного из составителей и инициаторов издания Б. П. Брюллова»⁹. Во втором издании путеводителя (1933) имена Скалдина и Брюллова, соавторов разделов «Архитектура» (в первом томе) и «Василеостровский район» (во втором), уже скрыты под инициалами — А. С. и Б. Б.: в январе 1933 г. оба были арестованы и осуждены по групповому делу литературного кружка Иванова-Разумника, объявленного контрреволюционной народнической организацией.

Несмотря на то, что еще сохраняется вероятность нахождения неизвестных рукописей Скалдина в российских архивах и частных собраниях, основной исследователь творчества Скалдина, Т. С. Царькова справедливо отмечает, что «поиски литературного архива писателя в России в основном можно считать завершёнными»¹⁰. За пределами России существуют два документально подтвержденных местонахождения рукописей Скалдина — Казахстан и Италия. Так, в письме Генеральной прокуратуры Республики Казахстан № 13/2825-95 от 25 сентября 1995 г.¹¹ в ответ на запрос рукописного отдела Института русской литературы сообщается, помимо прочего, что «уголовное дело, *рукописи и др. вещи* (курсив мой — В. В.) Скалдина А. Д. хранятся в КНБ РК (Комитете национальной безопасности Республики Казахстан. — В. В.)». Таким образом, разбор хранящегося в КНБ РК архива Скалдина — дело будущего.

Другое известное хранилище рукописей Скалдина — римский архив Вячеслава Иванова. По описи здесь хранятся два письма Скалдина Вяч. Иванову (от 1 декабря 1924 года и 1 марта 1928 года) и одно приложение, датированное 9-12 июня 1923 года и содержащее цикл из восемнадцати стихотворений с посвящением Вяч. Иванову (см. вступительное стихотворение-акrostих). О существовании этого полностью не издававшегося цикла¹² исследователи знают по письмам и отзывам современников: в свое время именно это стихотворное послание послужило толчком к успешной кампании, начатой Вяч. Ивановым сразу после получения письма (2 июля 1923 г.) за освобождение Скалдина из тюремного заключения. Дата получения выясняется из письма Иванова к Ал. Чеботаревской от 3 июля 1923 г.: «Вчера получил длинное стихотворное послание от Алексея Дмитр<иевича> Скалдина с пометой „Саратов.

⁸ См.: Краткий очерк истории городского строительства. — В кн.: Ленинград. Путеводитель. Том I. История, экономика, культура. М. — Л., «ОГИЗ», «Социально-экономическое издательство», 1933, стр. 223 — 241; Петроградский район. — В кн.: Ленинград. Путеводитель. Том II. Прогулки по городу, музеи, научные учреждения. Справочник. М. — Л., «ОГИЗ», «Социально-экономическое издательство», 1933, стр. 295 — 344.

⁹ Ленинград: Путеводитель. История. Экономика. Прогулки по городу. Музеи. Справочник. М. — Л., «ОГИЗ», «Социально-экономическое издательство», 1931, стр. 5.

¹⁰ Царькова Т. С. Новые документы из архива А. Д. Скалдина. — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1998 — 1999 год», СПб., 2003, стр. 378.

¹¹ Полностью приведено в кн.: Скалдин А. Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии, стр. 458

¹² Фрагмент главки XV (со слов «Искусство бытовое! Ты в основу...» до слов «Сосудов духа, жаждущих любви») опубликован А. Б. Шишкиным в ст.: Shishkin Andrej. Le banquet platonicien et soufi à la «Tour» pétersbourgeoise: Berdjaev et Vjačeslav Ivanov. — «Cahiers du Monde russe», 1994. Janv. — Juin, p. 50.

Тюрьма” и уже писал дважды Луначарскому и один раз Каменеву. Помогите лицу, передавшему Вам эти строки, доставить мое письмо обоим (другое письмо Луначарскому послано через Наркомпрос) и похлопочите сама о нашем Алеше. Что это? ошибка? недоразумение? или он восстал, б<ыть> м<ожет>, за религию? Недоумеваю. Из поэтич<еского> послания ничего не видно, кроме того, что он присужден к принудительным работам, что его камера в 6 шагов длины...»¹³

12 июля Иванов уже пишет П. С. Когану: «Дважды писал я, неделю тому назад, А. В. Луначарскому, <...> встревоженный участью моего молодого, но уже старинного приятеля, книжку которого (стихотворения) я же сам и издал в 1912 г., АЛЕКСЕЯ ДМИТРИЕВИЧА СКАЛДИНА, от которого вдруг получено послание в стихах с пометой: Саратов, тюрьма. Из послания явствует, что он в тюрьме, в отдельной, тесной камере, подвергается принудительным работам. <...> Зная Вашу доброту и отзывчивость, прошу Вас поддержать мои хлопоты о выяснении причин ареста и о помощи Скалдину»¹⁴. Благодаря хлопотам Вяч. Иванова и помогавших ему Ал. Чеботаревской, Ф. Сологуба, Л. Каменева и П. Когана Скалдин 27 августа 1923 г. был освобожден из заключения.

Причины, по которым тюремный цикл Скалдина не вошел в полное собрание сочинений 2004 года, ясно оговорены в предисловии составителя: «[Цикл] хранится в римском архиве Иванова и остается недоступным ни читателям, ни исследователям»¹⁵. Однако с 2008 года архив Иванова, включая переписку, последовательно выкладывается в Интернет на сайте Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме: <<http://www.v-ivanov.it>>. В настоящее время все письма Скалдина, в том числе стихотворное послание из саратовской тюрьмы, отсканированы, их оцифрованные изображения доступны для широкой аудитории на сайте Центра Вячеслава Иванова¹⁶.

Предыстория создания стихотворного тюремного цикла хорошо известна. Скалдин, совмещавший в Саратове несколько должностей — заведующего художественным отделом Педагогического музея и Губернской музейной секцией и охраной памятников, руководителя Отдела культов при Историко-археологическом музее и заведующего Радишевским музеем — и развернувший активную исследовательскую и культурно-организационную деятельность, был арестован по надуманному обвинению в сокрытии музейных ценностей сразу после опубликования 12 ноября 1922 г. в «Саратовских известиях» разгромной статьи «Скалдиновщина». Приговор, вынесенный 24 марта 1923 года¹⁷, был неоправданно жесток — три года изоляции.

Ко времени создания цикла, 9 — 12 июня 1923 года, Скалдин — с учетом четырехмесячного предварительного заключения — провел в заключении семь месяцев. Внезапный резкий отрыв от напряженной административной, научной и просветительской работы, которой он целиком отдавался последние четыре года, стал, по всей видимости, настоящей трагедией для энергичного Скалдина, проявившего в Саратове, по многим дошедшим до нас отзывам, черты незаурядного организатора и управленца. Арест и тюремное заключение помешали исполнению множества творческих планов. Но его тюремный цикл — не прямая жалоба и не просьба о заступничестве. Весь он пронизан неистовой жаждой деятельности, волей к измерению и взвешиванию хаоса (IV). Весь он — о свершении задуманного, о напряженных философских размышлениях. И ни слова о существе приговора, так что адресату письма остается только гадать, за что Скалдин помещен за решетку. Зато указан размер

¹³ См.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской (публ. А. В. Лаврова). — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год», СПб., 2002, стр. 283.

¹⁴ Цит. по: Царькова Т. С. «...нить блестящая тонка». — В кн.: Скалдин А. Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии, стр. 18.

¹⁵ Там же, стр. 10.

¹⁶ См.: Опись 5, картон 10, папка 8 <<http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k10.htm>>.

¹⁷ См.: Царькова Т. С., стр. 475 — 479.

клетки, в которую заключен этот мятущийся ум, — «пространство в шесть шагов» (IV), и именно в этих строках, сказанных вскользь о тюремном быте, Иванов безошибочно разбирает вопль о помощи.

Еще на раннем этапе творчества Скалдина критиками была подмечена его явная склонность к большим поэтическим формам. Сам он в письме к Вяч. Иванову от 29 мая 1912 года отмечает: «Был у Недоброво и, наконец, узнал мнение Н. В. о своих стихах. <...> форма не соответствует содержанию. Содержание очень глубоко и как-то остается всегда недоовоплощенным, или (по определению Гумилева, которого я случайно встретил третьего дня) „содержание для большой вещи, т. е. замысел требует вместить большому объему, а объем постоянно маленький”. И Гумилев несколько покровительственно дает совет писать вещи фундаментальные. Н. В. говорит, что я просто обрубаю свои произведения, не даю им расти»¹⁸. При этом среди дошедших до нас стихотворений Скалдина находится только одна большая вещь — притчевое «Сказание о гибели города». Публикуемый тюремный цикл — не только уникальный (и пока единственный) образчик зрелого скалдинского стихотворения большой формы, но и одно из четырех случайно уцелевших стихотворений позднего периода: наряду с «Актером» (1920), «Петербургом» (24 декабря — 4 января 1924 г.) и «Сибирью» (16 июня 1929 г.), последним известным стихотворением Скалдина. Третья большая поэтическая вещь Скалдина, поэма «Крылатое сердце», посвященная С. В. Троцкому, известна по воспоминаниям последнего¹⁹ и до нас не дошла. Возможно, какую-то поэму Скалдин создал в Саратове: в сентябре 1923 года ее читал Ю. Н. Верховский, о чем упоминает в своем письме к Вяч. Иванову от 21 сентября 1923 г.²⁰

Из последних восьми главок цикла и из постскриптума к посланию неожиданно проясняется замысел теоретической работы — девяти томной истории искусств, над которой Скалдин трудился в Саратове и о которой известно только по обрывочным упоминаниям в пристрастном судебном репортаже «Дело Скалдина», публиковавшемся в трех номерах газеты «Саратовские известия»²¹. Например, из ответа обвиняемого Скалдина мы узнаем, что он планирует написание «...девяти томной истории искусств по совершенно новому научному методу. До сих пор... научной истории искусств не существует. Есть собственно не история, а регистрация памятников искусств с пояснениями. Необходимо к истории искусств применять естественно-исторические методы и связать искусства с социологией»²².

И в другом месте:

«Скалдин „растекается по древу” речью. Чего тут только нет: и математический материализм, и барракальная (sic! — В. В.) гносеология, и „увриеризм”, и уверения в лояльности к советской власти, и экскурсии в область влияния масонства на архитектуру и архитектурно-художественная величина в рамках миниатюры»²³.

Вот такая, по заключению автора статьи, Леонтия Котомки, «рефлексивная слякоть».

Между тем искусствоведческое исследование Скалдин в Саратове действительно готовил: в материалах Государственного архива Саратовской области

¹⁸ См.: Скалдин А. Письма Вячеславу Ивановичу Иванову — «Новый журнал», 1998, кн. 212, стр. 164 — 165. Опубликованы также фрагменты писем Скалдина к Иванову 1912 года (см.: Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным (Публ. М. Вахтеля). — «Минувшее», Париж, 1990, [Вып.] 10, стр. 121 — 141).

¹⁹ Троцкий С. В. Воспоминания (Публ. А. В. Лаврова). — «Новое литературное обозрение», 1994, № 10, стр. 67.

²⁰ Римский архив Вяч. Иванова. Опись 5, картон 2, папка 3 <<http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k02.htm>>.

²¹ «Саратовские известия», 1923, 23 марта, № 66; 24 марта, № 67; 25 марта, № 68. Полностью опубликованы: Царькова Т. С. «Скалдиновщина», стр. 470 — 486.

²² Цит. по: Скалдин А. Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии, стр. 416.

²³ Там же, стр. 419.

(ГАСО) Т. С. Царьковой найдено подтверждение тому, что Скалдин работал над научным трудом «Философическая история вещественных искусств»²⁴. Из постскриптума к тюремному циклу становится понятно, что это исследование, основанное на рационалистических идеях Декарта, должно было называться «Философическая история цветковых искусств». Пятая книга носила название «Бароккальная гносеология». Свое монументальное исследование Скалдин в Саратове так и не начал — это с определенностью явствует из последней главки тюремного цикла. Сразу после освобождения Скалдин покинул Саратов. Сумел ли он реализовать свой замысел позже, неизвестно, документальных подтверждений тому не сохранилось — последующие два ареста нанесли его архиву непоправимый урон.

Тюремный цикл неожиданно проливает свет и на картезианские мотивы в единственном дошедшем до нас романе Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего», произведении темном и до конца не расшифрованном, которое, по мнению некоторых исследователей²⁵, оказало влияние на замысел «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Как выясняется из главки X, идея человеческих автоматов, производимых на упоминаемой в романе гротескной сборочной фабрике, является прямым отражением декартовской концепции живого тела как действующего автомата, телесного механизма, работа которого не требует даже простого предположения о существовании свободной от механических законов мыслящей души²⁶.

В описях римского архива Вяч. Иванова стихотворное послание фигурирует как приложение — по-видимому, к одному из двух других писем Скалдина, хранящихся в архивных фондах. Однако из процитированного выше письма к А. Чеботаревской явствует, что стихотворный цикл дошел до Иванова в виде отдельного письма. Поскольку конверта для него не сохранилось, можно предположить, что стихи были переданы Иванову через жену Скалдина Елизавету Константиновну, которая после суда «...бросилась в Петроград искать помощи друзей. Ей помогли Ал. Чеботаревская, Ф. Сологуб, Каманевы»²⁷. Это подтверждает адрес на последней странице послания, по которому следовало его доставить: «Вячеславу Ивановичу Иванову. Азербайджанская Республика, Баку, Правление Университета». Скалдин определенно знал, что Иванов проживает в Баку и работает в Бакинском университете, но точный адрес был ему неизвестен — зато известен доверенному человеку, который должен был передать — и передал — письмо.

Переписку с Вяч. Ивановым Скалдин вел с 1909 года. Письма самого интенсивного ее периода, с 1909 по 1918 гг., в основном опубликованы²⁸. Однако с отъездом Иванова на Кавказ и потом в Италию переписка не оборвалась: письма Скалдину из Баку хранятся в РГАЛИ; редко, но пишет и Скалдин, пишет даже тогда, когда наверно знает, что не получит ответа из Италии. Таково письмо Иванову из Новосибирска (тогда еще Новониколаевска), куда Скалдин попадает «по делам» — с середины 1924 года он для заработка начинает работать разъездным агентом, развозя по всей России печатную продукцию сорока издательств. Это письмо — глас вопиющего в культурной пустыне, где даже письменность используется лишь при составлении расписок и товарных накладных. Для живущего без общения и без публикаций поэта единственной отдушиной остаются редкие литературные чтения в Москве и Петербурге, где

²⁴ Царькова Т. С. «Скалдиновщина», стр. 464.

²⁵ См. напр.: Крейд В. О Скалдине и его романе. — В кн.: Скалдин А. Странствия и приключения Никодима Старшего. Нью-Йорк, «Антиквариат», 1989 (Репринт.), стр. XVIII.

²⁶ См. подробнее: Шевцов К. П. Память телесных автоматов в механической вселенной Декарта. — «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». Тамбов, «Граммота», 2012, № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II, стр. 214 — 218.

²⁷ Царькова Т. С. «...нить блестящая тонка», стр. 18.

²⁸ См.: Скалдин А. Письма Вячеславу Ивановичу Иванову (Публ. З. Гимпелевич, прим. В. Крейда). — «Новый журнал», 1998, кн. 212, стр. 136 — 192.

еще можно встретить людей, которым интересны его произведения. Однако таких людей становится все меньше: 19 февраля 1925 года умирает Михаил Гершензон, чья внезапная кончина стала поводом для нервного срыва и самоубийства 22 марта еще одного многолетнего друга Скалдина, так много сделавшего для его освобождения из саратовской тюрьмы, — поэтессы и переводчицы Александры Чеботаревской²⁹.

И уже в письме 1928 года деятельный оптимизм, которым был исполнен тюремный цикл Скалдина, сменяется тоскливой горечью, усталой брезгливостью по отношению к коллегам по советскому литературному цеху — «приголовишкам», возомнившим себя инженерами человеческих душ, но годящимся только на изобретение «патентованных унитазов». В сгущающемся воздухе сталинизма Скалдин с щемящей ностальгией припоминает отточенные строки ивановских стихотворений. Он уже не обольщается. Впереди его ждут два ареста, ссылка, гибель в Карлаге — и забвение, из которого произведения «так называемого Скалдина» начали пробиваться лишь в последние десятилетия.

Стихи и письма печатаются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Выражаю благодарность Исследовательскому центру Вячеслава Иванова в Риме и лично А. Б. Шишкину за предоставленную возможность публикации. Благодарю А. Б. Шишкина, А. Л. Соболева и Е. В. Витковского за ценные замечания и дополнения при подготовке публикации; также глубоко признателен Мире Ситниковой и Ольге Кольцовой, дочери и внучке А. Скалдина, за помощь и поддержку.

Валерий ВОТРИН

²⁹ Об обстоятельствах ее смерти см.: Примечания О. Дешарт (О. А. Шор) в кн.: Иванов Вяч. Собрание сочинений, т. 2, стр. 725 — 726; Ходасевич В. Ф. Некрополь. — Ходасевич В. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1997, т. 4, стр. 184.